

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

Артиллеристы

Война. Я помню. Проект Артема Драбкина

Сборник
Артиллеристы

«Яуза»

2019

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос)

Сборник

Артиллеристы / Сборник — «Яуза», 2019 — (Война. Я помню.
Проект Артема Драбкина)

ISBN 978-5-00155-049-5

Боги войны... В годы Великой Отечественной войны это почетное прозвище прижилось не только в официальной пропаганде, но и в окопном просторечии. И вполне заслуженно — артиллерия зачастую играла решающую роль в обороне, с артподготовки начиналось любое успешное наступление, и именно артиллеристские залпы салютовали нашей Победе. Герои новой книги проекта «Я помню» (<http://iremember.ru>) — командиры батарей и наводчики орудий, военнослужащие частей Резерва Главного Командования и Истребительно-противотанковых полков. Все те, кто может с правом сказать — я был артиллеристом.

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-00155-049-5

© Сборник, 2019
© Яуза, 2019

Содержание

Фернас Генрих Карлович	5
Белоглазов Савва Львович	8
Березовский Ефим Матвеевич	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

Артиллеристы Проект Артема Драбкина

Фернас Генрих Карлович

В марте 1944 года Смоленское артиллерийское училище, которое в то время находилось в городе Ирбите Свердловской области, произвело очередной выпуск офицеров – на этот раз младших лейтенантов. Весь выпуск эшелоном, в теплушках, был доставлен в Москву, откуда разлетелся по военным дорогам. Одна теплушка – в ней нас было 24 человека – благополучно, несмотря на бомбежки в пути, добралась до Гомеля, где размещался штаб 1-го Белорусского фронта. Молодые младшие лейтенанты, в основном не нюхавшие пороха, бывшие выпускники десятого класса с Урала, с трепетом ожидали назначения в боевые части.

Перед тем как выехать в действующую армию, мы сфотографировались и отправили домой снимки в новой офицерской форме, с погонами. По дороге на фронт я и мой друг по училищу Евгений Полушкин решили отметить его 19-летие: променяли свое теплое белье на картофельные лепешки и «налопались от пуза».

В Гомеле мы пробыли двое суток. Город был сильно разрушен, и это действовало на нас удручающе.

Все мы были занесены в список по алфавиту и разбиты на пятерки. Мы – Иван Тепляков, Федор Хохряков, Александр Шмелев и я – замыкали список, не набрав даже пятерки. Когда очередь дошла до нас, то услышали: «Ну а этих – в Резерв Главного Командования». Мы разом зароптали: дескать, направьте нас тоже в боевые части. На что получили ответ: «Вы и прие-

хали на фронт, а не к теще на блины». Как выяснилось, мы были назначены в 1071-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк резерва Главного Командования. Старшим назначили Шмелева, он еще до училища был сержантом в разведке и, кроме того, был старше нас по возрасту.

Не помню, какой дали нам маршрут, тем более, что пакет был у Шмелева, но добирались мы до части довольно долго. С трудом узнали, что наш полк находится на Быховском плацдарме. Переправились в районе Ново-Быхова через Днепр на правый берег и, ориентируясь по реке, бодро зашагали на север в направлении Ново-Быхова.

6 апреля мы оказались в окрестностях деревни Камаричи. Был ясный солнечный день, вокруг – тихо, безлюдно и спокойно. Пение жаворонков настраивало на благодушие, и мы совершенно позабыли о бдительности. Вошли в деревню, надеясь найти штаб части. Ходили от дома к дому, если их можно было так назвать – целых строений не осталось. Самое удивительное, что мы никак не могли никого спросить – изредка показывались люди и сразу же исчезали. Ну, ладно, мы-то впервые попали на фронт, но и Шмелев, наш ведущий, бывший разведчик, тоже «потерял голову».

Нам надоела эта «игра в прятки», и мы решили перекусить остатками сухого пайка. Остановились около развалин хатки, расположились на виду находившейся впереди деревни (позже мы узнали, что это Лудчица, передний край обороны противника). Между деревнями, ближе к Днепру, лежала болотистая местность, листья кустарника только-только распускались, левее – обширное поле, дальше – заросли молодого сосняка и сплошной лесной массив.

Не успели мы как следует расположиться, как к нам подбежал сержант и на повышенных тонах предложил убраться подобра-поздорову куда-нибудь в другое место, ибо Камаричи хорошо просматриваются противником, и вот-вот начнется артналет. Мы быстро спустились в ложину. Не отошли и на километр, как над нами что-то завывало, от неожиданности мы присели и замерли. У дома, где мы были несколько минут назад, поднялся столб земли. Переглянувшись, поняли, что попали наконец на фронт. Минут двадцать немцы обрабатывали снарядами тот участок, где мы собирались перекусить. До нас дошло, что мы были на краю гибели, осознали, какую беду навлекли на тех, кто оставался в том районе. Этот день запомнился на всю жизнь. Понуро опустив головы, добрались до штаба полка. Бесследно испарилось все наше приподнятое весеннее настроение, ожидали порядочную нахлобучку от командира полка. Но нас удивило и обрадовало хорошее настроение в штабе при нашем появлении – ведь пришло пополнение офицеров! Но тут раздался телефонный звонок, все в землянке притихли. Звонивший говорил громко, был разгневан, а командир полка через щель в занавеске все поглядывал на нас. Потом вышел к нам – широкоплечий, высокий, с зычным голосом, и стал нас внимательно разглядывать, всех по очереди, с ног до головы и обратно. Тут возобновился артобстрел, мы молчали и потом услышали: «Ну, что, вояки? Долго вы же добирались, небось не очень-то торопились!» Шмелев попытался что-то сказать, но комполка, резко махнув рукой, прервал его: «Вот, полюбуйтесь на этих гусаров. Надо же иметь такое нахальство! Под носом у фрицев устроили пикник. Да, обозлили вы их не на шутку! Давненько они нас так не обрабатывали».

Вой пролетающих снарядов стал заглушать его слова, доносилось громохканье разрывов, содрогалась земля, обстрел шел по площадям. Командир полка выругался: «Кондрашка, что ли, их хватила?» Затем уже в снисходительном тоне обратился к нам: «Впредь будет наука. Фронт есть фронт, здесь шутки плохи. Без причины на рожон не лезь, без дела не высывайся... Ничего, наши корректировщики кое-что засекут, так что ваше лихачество без пользы не останется». Пронесло!

Все мы были определены командирами взводов. Я с Хохряковым оказался в 3-й батарее, которой с недавней поры командовал армянин лейтенант Оганес Варткезович Габриелян. Принял он нас хорошо. Огневая позиция батареи находилась метрах в 150–200 от переднего края. Ночью можно было наблюдать, как трассирующие ленты пуль, словно паутина, опуты-

вали всю передовую. Перед нами видны были окраины деревни Лудчицы, за которой располагался Быхов.

Мой однокашник по училищу Федор Хохряков, уроженец Пермской области, Кунгурского района, русак до кончиков волос, назначенный командиром 2-го огневого взвода, разместился в землянке командира 3-го орудия, Алексея Алексеевича Джи. Нам здорово повезло: попали в семью обстрелянных фронтовиков; на вооружении имели 76-миллиметровые пушки ЗИС-3, которые хорошо поражали цели и прямой наводкой, и с закрытых позиций, что в дальнейшем подтверждалось неоднократно; и, наконец, для перевозки пушек у нас были американские машины марки «Додж» и «Студебеккер».

Как оказалось, в начале боя первым выстрелом Налдин сумел подбить «фердинанд», который, на наше счастье, развернулся и перекрыл всю дорогу, а по болоту в темноте не поскачешь. Стреляли мы почти в упор, и эффект получался большой. Немцы как залегали от выстрелов артиллеристов, так и не поднимались до нашего отхода. А когда они после нас влезли в деревню – наткнулись на стрелковый заслон и стали «пачками» сдаваться в плен. За этот бой Налдин и Дيجا были представлены к ордену Славы 2-й степени. Представили к наградам и нас с Хохряковым. На партийном собрании приняли кандидатами в члены ВКП(б), а приказом по 1-му Белорусскому фронту нам присвоили очередное звание – «лейтенант». Но я об этом узнал после госпиталя, в другой части, там же мне вручили за этот бой медаль «За отвагу», а Хохряков так и не услышал об этом приказе: под Брестом он погиб смертью храбрых, и ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Это был наш первый бой, своего рода пропуск во фронтовую семью. Отношение к нам стало совершенно другим, это я прежде всего почувствовал со стороны Налдина.

Под Сычковом погибших не было, но без раненых не обходится ни один бой. Комбат поручил мне отвезти их в госпиталь в Осиповичи, и там я попрощался со своим командиром орудия Воробьевым.

Перед отъездом из Осиповичей нашу машину окружили жители. Все рады, говорят наперебой, обнимают и желают победить врага и выжить. Вдруг подходит ко мне девочка лет двенадцати: «Дяденька офицер, я так хочу вам подарить что-нибудь на память, но у меня, кроме этого кусочка хлеба, ничего нет. Возьмите, пожалуйста». Я опешил – как брать хлеб у голодного ребенка? Но меня выручила женщина, не знаю, кто она. Сказала: «Возьми и сохрани, она, девочка, этого очень хочет. Это же ее радость, может быть, первая в жизни». Я дал слово, что сохраню, но... В боях под Брестом мы потеряли всю технику, сгорели все наши вещи, остались в одном обмундировании. Погиб и тот кусочек святого для меня хлебушка...

До Минска полк дошел с 3-й армией, затем его передали корпусу генерала Плиева, а после Бреста 11-му танковому корпусу. Под Брестом я был ранен и попал в госпиталь. Под Франкфуртом ранило командира полка, на Зееловских высотах погиб Иван Тепляков, в Берлине был ранен комбат. Налдин и Дيجا закончили войну полными кавалерами ордена Славы.

Белоглазов Савва Львович

Скажите, пожалуйста, когда и где Вы родились?

3 сентября 1923 года, Лебяжский район в то время, а сейчас Уржумский, деревня Кутей. Я учился в семилетке, школа нсш была недалеко от места жительства, а потом был Молотовский железнодорожный техникум, сейчас Пермский. В январе 42 года у нас был выпуск досрочный, а должны были в конце года закончить. Специальность у меня была техник-механик вагонного хозяйства.

Вы ощущали приближение войны перед 41 годом?

Какое больно приближение? Только в техникуме как-то отложились события на Халхин-Голе, они как-то дошли. То, что приближается война, мы по общему состоянию как-то не ощущали. Советско-финская война стороной прошла.

Как Вы встретили 22 июня 1941 года?

Этот день я встретил в Свердловске, проходили практику на вагоноремонтном заводе. Практику уже закончили и собирались ехать обратно в техникум.

На каникулы собирались, все оформили, рассчитывали, что поедем. Объявили войну, и мы не успели оттуда уехать по-быстрому. Приехали в техникум, никаких каникул уже, ясное дело, не было. Нашу группу послали на строительство вторых путей на станции Ергач, между Пермью и Свердловском; работали порядка месяца. Оттуда приехали – послали снова, тоже вроде практики, на станцию Чусовская. Практика есть практика, то, что предложат. Там мой старший брат уже работал, он этот же техникум закончил. Я его там проводил в армию. Закончили там, продолжили учебу. В начале января 42 года нам выдали дипломы.

Что Вы можете вспомнить из настроений, разговоров второй половины 41 года?

Еще до окончания техникума часть наших ребят поступила в авиационное училище, двое у меня товарищей близких были. Я тоже вроде бы не возражал пойти вместе с ними, но я стал беспокоиться о состоянии своего здоровья. Почувствовал, что меня туда не пропустят. После

окончания техникума нас пригласили в военкомат: «Желаете ли поехать учиться в артиллерийское училище»? Я дал согласие. Там комиссия несколько попроще, чем в авиационном училище, и я свой недостаток скрыл. Под конец января поехали в Одесское артиллерийское училище имени Фрунзе, г. Сухой Лог.

Там готовили на основную для нас артиллерийскую систему – 203-мм гаубица. Попутно и другие простые системы. 9 месяцев не все проучились; часть курсантов моего набора выпустили досрочно. Присвоили звания старшего сержанта, и на фронт под Сталинград. Нам особенно не объясняли – требуется. Там не выбирали; по группам, по взводам.

Кроме основной нашей системы, остальные изучали меньше. Один раз были стрельбы из 76-мм пушки, а больше нет.

Расскажите подробнее, в чем состояло ваше обучение?

Тактическая учеба, физическая, само собой, политечеба, полевые уставы. Огневая подготовка велась теоретически месяцев через 4–5. Один раз стреляли. Эта 203-мм гаубица несколько отличалась от полевых орудий своим устройством. Потом куда я попал, на 152-мм орудия снаряды, заряды вручную снаряжали. А там снаряд 100 кг, его в руках не утащишь. Поэтому для заряжания этого орудия снаряд надо было подвезти на тележке, после подъемной системой поднимать и загонять в ствол. Расчет человек по 10 примерно.

Теоретическая подготовка при таком коротком периоде была сжатой. И естественно приучали к армейской жизни. После окончания большинству присвоили звания лейтенант, редко кому присвоили младших лейтенантов. Должность наша основная – командир взвода. Училище это котирировалось среди военных; в нем в другом дивизионе учился сын Воронова, Главного маршала артиллерии.

Среди преподавателей были фронтовики?

Как потом мы стали вспоминать, нет, не было. Но со стажем службы в училище были. Командир взвода был лейтенант Двинский, командир батареи Соколов.

Помню начальника училища генерал-майора Полянского. Заместитель по строевой – полковник Кавтарадзе.

Как Вы в это время восприняли поражения?

В то время до училища обстановка эта отдаленна была. Готовили: война, война, а сколько она продлится? Конечно, не рассчитывали, что она так затянется. Война идет, надо принять участие в ней, сколько можно.

С людьми местными приходилось общаться во время учебы?

Армейская дисциплина, казармы, куда в увольнение больно пойдешь? В военное время даже. Далеко никуда не уйдешь, Сухой Лог городок маленький.

Как можете описать свой курсантский быт?

Обмундирование обычное солдатское, питание курсантское тыловое, 600 г. хлеба, приварок. Дожидались, когда дежурство по кухне будет – может, прибавка какая будет в питании. Не хватало, конечно. На сельхозработы, лесозаготовки нас не посылали, не до этого было. Свободного времени перед сном час, полтора выделялось, а остальное все расписано.

Как Вам кажется, на что больше всего упор делался в обучении?

Естественно знать хорошо устройство орудия, патриотическое воспитание – наша обязанность честно служить, учиться, а потом уже и на фронте. Нам объясняли, вы – будущие

офицеры. Кстати, в то время слово «офицер» только еще начинало произноситься; все раньше было «командир». А вот уже стали упоминать слово «офицер».

Тактика: предположим, выходили на территорию, где должно быть вроде системы оповещения, наблюдения. Где-то вдали огневые позиции противника; надо было разобраться что, чего и как действовать. В какой-то мере это отрабатывались действия на наблюдательном пункте – засекать огневые точки противника. Рассчитывать данные нам пока не приходилось. К выпуску имели пока смутное представление, пока конкретно не столкнешься с обстановкой.

Вы могли работать за любого члена расчета 203-мм гаубицы?

У командира орудия расчет, их обязанности строго определены. Каждый знает, кто заряжает, кто подводит, наводчик наводкой занимается.

Водители тягачей-тракторов вместе с Вами учились?

Это трактористы призванные, как и на фронте было. Солдаты.

В ноябре 1942 года нас выпустили из училища, 8 человек набрали в распоряжение Волховского фронта. Приехали мы в 5-й запасной артиллерийский полк, пробыли там недолго, неделю с небольшим. И потом, что удивительно, всех восьмерых направили в 8-й отдельный гвардейский артиллерийский полк РВГК. Гвардейское звание полку было присвоено за бои под Тихвином.

Какая была организация полка и вооружение?

152-мм пушка-гаубица, весь полк из них состоял. В батарее 2 пушки, огневой взвод. Были, как обычно, 3 дивизиона, в каждом дивизионе 3 батареи, всего в полку 18 пушек. Вначале, месяц с небольшим, я был командиром взвода управления: разведка и связь. Полк стоял под Киришами. Сложно сказать, какая это армия была, так как четко мы не приписывались к какой-то армии. Полк был резерва Главного Командования. Потом поменялись с командиром взвода управления; он тоже был из училища нашего. Я перешел на огневой взвод. Первоначально в батарее было 5 офицеров: командир батареи, замполит, старший по батарее, и 2 командира взвода, огневой и управления. Потом замполитов направили на переподготовку, на строевые должности, а старших на батарее распределили между другими батареями. У меня во взводе было порядка 35–40 человек, 2 орудия, тракторов С-65 «Сталинец», гусеничных, 4 штуки.

Помните ли Вы свой первый бой?

Бой как у пехотинцев, мне не приходилось. Под обстрел я попал, когда был во взводе управления на наблюдательном пункте под Киришами. Сказать, что по мне именно стреляли нельзя естественно. Попал под обстрел такой, что не вызвал большой эмоции. Сзади нас был взвод вроде нашего, из другой батареи. Они, видимо, были засечены, и у немцев было, видимо, передвижное орудие, которое периодически обстреливало. У них была 210-мм пушка. Но что характерно: снаряд из нее летит не с таким визгом как из обычного орудия, а с шипяще-щелестящим, ш-щ-ш-щ. Сзади меня, метрах в 50, этот снаряд разорвался, он был фугасного действия, глуховатый. Такая первая встреча получилась.

Какие основные задачи Вы выполняли, будучи командиром взвода управления?

Разведка и обеспечение связи. Связь была линейная, рация была, но в качестве запасной.

Рацией не любили пользоваться?

Не то что не любили, а основная – проводная связь. О качестве связи трудно сказать. Когда нет боевых действий, связь работает. Обстрел начался, все, ее порвало, иди, ищи. А где ее найти? Расстояния большие бывали, посылаешь солдат. Рации простые были, я уже не помню какие, РБ.

В январе 43 года я участвовал в прорыве блокады Ленинграда, был уже на огневых позициях командиром огневого взвода. Задача нашего полка, входили в группу «Д», артиллерия дальнего действия, противобатарейная борьба. Были определены цели – огневые позиции немцев. Мы должны были отвлекать их в какой-то мере от района прорыва, чтобы они не вели огонь по наступающим войскам. В основном, мы эту задачу выполнили. Правда, и мы постреляли по батарее, которая была персонально закреплена, и по нам тоже постреляли. Но благополучно. Огневые находились немного подальше от передовой; прорыв был несколько в другом месте, который я наблюдал.

У немцев на правой стороне Волхова был плацдарм, и было несколько попыток его ликвидировать, но не получалось. А наш прорыв проходил несколько в другом направлении. Как-то так получилось – немцам мы вроде как насолили; они по нам выпустили за период прорыва блокады до 150 снарядов тяжелых. У них была 150-мм пушка. Благополучно, никто не пострадал и орудие тоже.

Как осуществлялась контрбатарейная борьба в полку? Кто определял цели?

Цели определяли – там работала полковая разведка и дивизионная. Они цели засекали; у них же взвод специальный артиллерийской разведки. Там они все виды данных, которые поступали, сосредотачивали у себя, засекали огневые позиции, нам давали только координаты. Мы просто по данным стреляли и все.

Как Вас встретили в батарее и во взводе?

Вроде бы так нормально [смеется. – А. Б.]. Хотя и новый, незнакомый... Офицеры в большинстве повоевали под Тихвином. Командир батареи капитан Шатура. Знаете, на фронте такая обстановка, там сразу видно человека, чего он стоит. Если где-то кто-то чего-то смухлевал или не так относится – быстро он обнаруживается. Солдаты быстро могут его научить. Терпят, терпят, а нет, так и поучат. Но такого во взводе у меня не было.

Кто продолжал Ваше обучение артиллерийскому делу?

Наша задача была обеспечить точную стрельбу по заданным целям. 152-мм пушка-гаубица как система в этом отношении была несколько сложновата: были снаряды пушечные и были снаряды гаубичные, то есть можно было стрелять траекторией навесной и траекторией прямой и 13 видов метательных зарядов. Поэтому надо было четко ориентироваться в зарядах и определять – заряд такой-то, сколько мешочков пороха выбросить, сколько оставить. Солдаты были уже обстрелянные, в основном уже пожилые, лет по 35–45. Я был, наверное, одним из самых младших.

Одновременно у орудия находилось 7–8 человек. Снаряды надо распаковывать, подносить. Поднес, передал, снарядный должен его взять и в ствол его... Тот, кто нес его был один, потому что каждый четко за определенный участок отвечал. Дальше снаряд надо было толкнуть так, чтобы он врезался в нарезы. Там снова должны быть человека два, примерно. Надо было кому-то гильзы от снарядов убирать. Обычно на подноске снарядов одному не справиться – дополнительно еще. Складывается еще обстановка, что надо что-то подать, что-то подвинуть. Наводчик наводит, работы всем хватало. Но основные вот эти – снарядный и заряжающий.

Наносили Вы камуфляж зимой белой краской?

Я бы не сказал, что орудия были слишком выдающиеся, но немного было.

Не сплошь красили?

Да, затемнено.

Как готовилась огневая позиция?

Обычно нам определял район топовзвод дивизиона, места расположения орудий. Координаты дает, где установить. Устанавливается одно первое орудие, второе равняется по первому, потом дают репер – точку, по которой потом следует корректировать наводку. Определяют, если репер видно, цель видно, тогда наводчик уже по реперу наводит, а если где-то в лесу, ничего не видно – обычно по буссоли. На открытом месте реперов могло быть несколько, а в лесах трудно. Там местность лесистая, поэтому – почти что не видать. Редко где чего увидишь.

Как далеко были друг от друга огневые позиции?

По-разному. В нашем дивизионе соседняя 7 батарея была метров 150–200, а третья еще может быть, метров 200–300. В зависимости от того, как позволяла местность. Например, в картинах это самое вижу; там может местность другая в степях. В одну линию выстраиваются...

Такого у Вас никогда не было?

Нет, невозможно. Расстояние между 2 орудиями во взводе обычно небольшое, чтобы была видимость. Потому что координаты даются первому орудю, расчет второго орудия должен его видеть, настраивается по тем же данным, по которым настраивается первое орудие.

Что собой представляла огневая позиция?

Обычно это где-то не на открытой местности, ближе к полянкам, редколесью. Оборудовалась: орудия несколько прикапывались, после огораживались забором из деревьев близлежащих. Высота забора небольшая, метр – полтора, от орудия близко, чтобы только не мешал развороту ствола. Забор делали от осколков, ближних разрывов – чтобы не задевало. Личный состав рыл блиндажи сразу. Ровики роют наускор, там да, а уж остановились, там надо капитально. Сам окоп для орудия глубины небольшой, порядка метра.

Кроме забора применяли еще какую-то маскировку?

Само собой, зелень на орудия, на все видимое, чтобы с воздуха не обнаружили.

Было у Вас несколько основных позиций или всегда одна?

Одна позиция, потому что сменить одну позицию на другую с тракторной тягой очень сложно. Это надо снова демонтировать, передвигать, снова все устанавливать. Демонтировать – сошники из земли вытаскивать, сводить.

Ложные позиции были в дивизионе или в батарее?

Сами мы не строили, но по готовым, по тем, которые ранее существовали – такие были. Их инженерные части строили или раньше на этом месте другие орудия были, сменились и ушли. Если требовалось, их готовили заранее, в наши обязанности это не входило. Там могли стоять макеты орудий.

Может вспомнить ваши самые удачные огневые позиции и самые неудачные? Насколько я понял, вы как командиры взводов в выборе позиции не участвовали? Так?

Так.

Следовательно, Вы полностью зависели от командования?

Для определения места дислокации ранее проводилась рекогносцировка выбора, но в ней участвовали обычно командиры батарей. Командиры батарей определяли – в этом районе. Топовзвод потом привязку делал, определял место нахождения, координаты.

Про удачные и неудачные трудно сказать. Неудачно у нас получилось в Выборге, это уже в августе 44 года. Получилось так, что огневые позиции были впереди наблюдательных на полуострове. Наблюдательный пункт находился сзади; в крепости был штаб полка, а рядом церквушка с колокольной – там наблюдатель батареи. Стали вести методичный огонь по финским позициям бризантными снарядами, с перерывом. Нас хорошо засекли, потому что долго с одного места стреляли. И потом получилось, что нас накрыли первым снарядом. Я попал под самый первый снаряд, тогда меня ранило. Остальные позиции, я считаю, у нас все удачные были: под Киришами, Карбуселью, в районе Доброе, там я единственный раз корректировал огонь по немецким позициям. Там было у них типа наблюдательного пункта и скрытого блиндажа, где они [немцы. – А. Б.] находились. Самому больше корректировать огонь не приходилось. До конца я был командиром огневого взвода.

Как хранили боеприпасы в батарее и дивизионе?

Их с прицепов сгружают и вроде забора огораживают, чтобы не попали осколки. Закрывать их сильно – не закрывали, потому что это невозможно.

Они на поддонах на грунте лежали?

Конечно на поддонах.

Кто в расчетах занимался очисткой их от смазки?

Помощник заряжающего этим занимался. Сказать, что они больно сильно смазаны были, нет. Не так как сейчас консервируют, там мажут очень густо. А тут легонечко, почти что не требовалось.

Получается, что перед самой стрельбой он успевал это делать?

Если где-то требуется, он немного снимал.

Как и когда применяли картечь и шрапнель?

У нас не было картечи и шрапнели, а были так называемые бризантные снаряды, которые взрывались в воздухе. Для этого надо было менять взрыватель. Определялось, что снаряд бризантный, на какую выдержку ставить. Редко их применяли. Особенно ими стреляли в Выборге.

Существовало у Вас понятие боекомплект, норма расхода?

Существовало – 12 снарядов в комплекте. Это тоже в зависимости от обстановки, обычно больше было. Старались иметь его, а при наступлении не ограничивалось. Сколько можно было доставить – доставляли. Уже с 43 года, прорыва блокады, такой порядок существовал. Все не все, но если требовалось, то могли расстрелять.

Получается, что Неприкосновенный Запас, который ни при каких условиях нельзя было тратить, его не было?

До этого не доходило.

По каким целям вы наиболее часто стреляли?

В основном наша цель была – контрбатарейная стрельба. Артиллерийские позиции немцев.

Расскажите о правилах, искусстве такой стрельбы.

Все искусство зависит [усмехается. – А. Б.], непосредственно от расчета тут вроде, как и не зависит. Искусство в точном нахождении цели, а мы в этом были ограничены. Этим занимался взвод разведки. Были полковые разведчики, у которых кроме визуального, было звуковое наблюдение, если возможно, фотография. А у нас для этого не было возможностей. У нас единственное – визуальное наблюдение.

Вы могли бы вспомнить, гаубичные немецкие позиции пользовались у вас приоритетом?

Трудно сказать. Предельная дальность у нас была конечно большая, 17 километров. А стрельба велась иногда на 5–7, 8–12 км. Коррективы нам дали, мы по ним ведем огонь, а сами их менять не могли. В основном дивизион определял сверху.

Могли бы Вы рассказать, как корректировали огонь?

Вроде по науке старался [смеется. – А. Б.], но не всегда ведь получается. Цель, которую мне определили по карте, не совпала с действительностью. Обнаружил визуально. Выстрел, снаряд пролетел, взрыва нет. Это был ДЗОТ. Мне пришлось вносить коррективы: дальность, расстояние. Снова повторяю, есть взрыв – далековато. Беру в вилку. Вилка поближе к нашим позициям – дальше отвожу. Вот определил вилку и последние, как это обычно бывает у артиллеристов, три снаряда – беглый огонь. Тогда поразил.

Какие сильные и слабые стороны ваших орудий можете отметить?

Нашим 152-мм орудиям аналогичны были, я считаю, 122-мм – самые удачные. По качеству стрельбы эти обе пушки превосходили немецкие. По точности.

Как Вы оцените метеобаллистический сумматор?

У нас его не было, у нас были таблицы стрельбы в книгах. Там все возможные варианты стрельбы учтены.

Дульный тормоз Вашего орудия был преимуществом или недостатком?

Видимо преимуществом, как это недостатком?! Он берет на себя силу отдачи.

Я читал, что недостатком были газы, истекающие из него после выстрела и демаскировавшие позицию.

В какой-то мере это верно, но пыли не было в лесах. Был случай не при мне: приехал какой-то фотограф и решил сфотографировать. Расположился для этого недалеко от дульного тормоза, и его сшибло.

То есть Вы даже землю под стволом не поливали, чтобы пыль не поднималась?

Нет.

При ликвидации блокады в январе 44-го, приходилось встречаться с некоторыми особенностями. Мне что запомнилось? Наши огневые позиции были расположены у лесной дороги. С одной ее стороны отделение тяги, с другой – мы. Меня предупредили, что может заехать Ворошилов [смеется. – А. Б.]; что скажешь – ничего не скажешь, даже не надеялся. Я ходил в отделение тяги, к тракторам. Иду, смотрю – едет броневик, в середине «эмка», сзади броневик. Я мог только догадываться, что кто-то из крупного начальства едет. Потом нашему полку за бои под Любанью было присвоено звание Любанского. Затем участвовали в освобождении Новгорода.

Под Новгородом с левой стороны нам была указана цель – станция Медведь и около нее деревня, где находилась крупная немецкая батарея. Эту батарею мы уничтожили. Когда ее освободили, то тут уж видно было, что к чему. Дальше двигались к Оредежи. Получилось, что батарея шла вместе с пехотой впереди, в авангарде. Танков там по снегу я не видел. Они где-то в другом месте проходили. Вели огонь с временных огневых позиций по отступающим немецким войскам. Когда Оредеж освободили, Волховский фронт как таковой перестал существовать, и нас перебросили под Нарву на Ленинградский фронт.

Весь 43 год Вам не очень сильно запомнился?

Было несколько попыток, я бы не сказал прорыва блокады, отвлекающих ударов под Тосно, Любанью.

Тут трудно сказать. Артналет был подготовлен очень сильный, мы не одни были, нас было много. Долго мы не задержались, стали продвигаться дальше, ближе к Новгороду. Новгород тоже относительно быстро был освобожден. Через Новгород наш полк не пропустили, был сильно завален и непроходим для нас, тракторов и пушек.

Чем особенным запомнился прорыв линии Маннергейма?

Запомнился тем, что у финнов было обнаружено на передней позиции орудие на прямой наводке. Нам была поставлена задача – это орудие уничтожить. С этой задачей справились, орудие было уничтожено. А остальные цели были другие пушки, массированный, сильный огонь. Она была быстро прорвана, линия Маннергейма. За 10 дней прошли от прорыва до Выборга.

Перед прорывом ее я с первым орудием ездил на правый фланг к Ладожскому озеру, выявить финские огневые позиции. Тогда трудно было понять, финские они или немецкие. По старым координатам, которые у нас были, мы отстрелялись удачно и благополучно вернулись. Потом в ходе боев были даны кратковременные цели. Борьба была – ближний бой.

На прямую наводку ваши орудия там ставились?

Наши орудия тяжеловаты для этого. В основном ставились орудия более подвижные.

По отдельным ДОТам финским стреляли?

Мы – нет. Полк, может быть, я не знаю. А по укреплениям стреляли 203-мм тяжелые гаубицы.

Вы ваши бетонобойные снаряды не применяли там?

Они не сильно пробивали, больше осколочного действия. Мы на открытых, кроме нашей стрельбы, не проводили.

Когда Вы участвовали в артподготовке наступления, тогда был огневой вал?

Трудно сказать. Нам коррективы дают на уровне дивизиона, а мы непосредственно исполняем. Во взятии Нарвы мы не совсем участвовали. Когда туда прибыли, то это была территория Эстонии. И первое, что отложилось: нам отвели место, орудия поставили, давай огораживать. Лес рубить, землянки готовить. Впереди был хуторок метрах на 300. Приходит женщина: «Вы зачем мой лес рубите»? Нам так это удивительно показалось! Как это мой лес?! Да в такой-то обстановке. Что тут скажешь?

По нам немцы открыли огонь, и она быстро ушла. Атам лесочек определен, колючей проволокой разграничен – мой.

Возвращался я с фронта почти без сознания после тяжелого ранения. Я потерял сознание, потом меня затащили в блиндаж, после до Ленинграда ехал в подвесных носилках в вагоне. Это были множественные осколочные ранения. В Ленинграде я пролежал полтора месяца,

потом перевезли в Свердловск – там три с половиной месяца был. Потом демобилизован был с переосвидетельствованием через шесть месяцев – инвалидность третьей группы. Приехал на Родину, образовался новый Буйский район, кадров нет. Меня по линии райкома – в аппарат инструктором. Шесть месяцев прошло, стал проситься, давайте в армию.

На комиссию повторную не пошел. Поездил в армию, но получилось так, что когда меня в райком брали, то по линии секретаря райкома было подсказано военкому: у меня забрали удостоверение личности, взамен его выдали военный билет. Когда я стал проситься, чтобы меня обратно отправили, то военный билет у меня тоже отобрали. Я поехал с одними бумагами без документов. Доехал до областного военкомата, подал рапорт чего и как – в УралВО. Приехал туда – снова 2 рапорта: почему не в форме и почему без документов. Но случилось так, что это было 3 сентября 1945 года, окончание войны с Японией, мой день рождения. И меня обратно [отправили. – А. Б.] как неправильно призванного из запаса.

Что еще запомнилось? Перед прорывом линии Маннергейма мы стояли на Черной Речке, готовились к ее прорыву. К майским праздникам на полк пришли три пригласительных билета в Ленинградский драмтеатр на постановку «Женитьба Бальзамина». В это число я попал. Подъезжаем к Ленинграду в 12 часу, смотрим – над городом салюты. Приехали, пошли в театр. Нам уж не до содержания постановки, нам интересно, какой народ присутствует. Большинство женщины гражданские, есть военные. Побывал в Ленинграде, потом сразу обратно. Нам на 2 суток разрешили поехать, потом сразу обратно.

Большие были потери от авиации немцев?

Относительно небольшие. Мы со своей стороны старались маскировку тщательную проводить.

Так от чего потери были больше – от бомбежек или от артобстрелов?

Больше надоедали артобстрелы. Авиации большой не видно было. Чем авиация немцев отличалась – это «мессера», охотившиеся первоначально даже за отдельным человеком, по группе людей на открытой местности. Мы один раз попали под бомбежку, несколько неожиданную, при переезде с одного участка на другой. Сами были несколько виноваты. Ночью ехали в теплушках по железной дороге и печки затопили, искорки появились. Самолет засек, вначале пролетел. Посмотрели: «Наш, наш»! Он вернулся и давай нас бомбить. У него неудачно получилось – ночь была лунная и бомбы попали по тени. Но немножко-то он посшибал.

Довелось ли Вам воевать в городах? Какие-то особенности боев можете отметить?

Непосредственно – в Выборге. Нам огневые позиции тут определили, но особенность, наверное, была в том, что мирного населения на освобожденных территориях не было, все уходило. И какой-то, видимо, наблюдатель в Выборге сохранился. Когда мы ехали на рекогносцировку определять, то впереди нас по шоссе взорвалась мина. Точно. Под конец, когда уже отстрелялись, перед самым моим ранением, стояли дома рядом. Снаряды ложились на свободную территорию, где были наши орудия – где-то тоже корректировщик был.

Доводилось Вам стрелять по танкам немецким?

Нет.

Как можете охарактеризовать ваши тракторы?

Тракторы по тем временам нас выручали, другой тяги для нашей техники не было. Позднее стали поступать американские «студебекеры» и прочие, они для более легких орудий. У

нас только тракторы были. Большие марши на тракторах мы, пожалуй, не делали, но с одной позиции на другую километров на 30–40 перебирались.

Что Вы можете сказать о немцах как об артиллеристах и их пушках?

Неважное. А вот почему? Сколько нам приходилось быть под обстрелом, у них получается стрельба по площади, а не по конкретным целям, рассеяно. Редко, очень редко были среди них артиллеристы, которые могли стрелять, засекать. По нашему взводу попали только один раз в место, где стояло первое орудие. Когда я ездил на правый фланг к Ладожскому озеру, попал снаряд в капонир, и в соседней батарее попали точно по орудию. Но что удивительно – один выстрел есть, и больше не стреляли. Нет, у них артиллерия не важная. А чего? У них единственное не совсем приятное орудие – шестиствольный миномет. Под него попадать очень не нравилось. Они по нашим позициям не стреляли, они, в основном по ближним целям.

Как правило, ваши позиции от передовой на каком расстоянии были?

Были километров за 5, за 7, за 8. У немцев как у артиллеристов не учились.

Их службу артиллерийских наблюдателей Вы тоже не перенимали?

Нет, не знаю, как сказать. Вот «рамы» их не нравились, они могли засечь, точно определить местонахождение, если они обнаруживали.

Может, дело в целях, которые перед ними ставили, а не в качестве подготовки? Они по площадям стреляли, а не по конкретным целям?

Кто их знает? Как ни странно, у них существовало такое поощрение – за количество выпущенных снарядов награждали солдат. У нас-то такого не было.

А у Вас за что поощряли, награждали?

Вообще [смеется. – А. Б.] за боевые заслуги, за участие. Как определить – этот солдат хороший, а этот плохой. У нас по положению награждались за уничтоженные орудия, батареи, за подавленные батареи – что доказать сложно, трудно. За уничтоженную финскую пушку на прямой наводке на линии Маннергейма я был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. А раньше за уничтоженную батарею под Новгородом был награжден командир батареи орденом Отечественной войны 1-й степени.

В вашем полку награжденных было немного?

Да, немного, потому что награды давались за конкретный результат. Тут хоть какой героизм ни прояви, какое умение ни применяй – результатов нет, все.

Солдаты, соответственно, были еще меньше офицеров награждены?

Я не знаю, может под конец войны, был период, когда их награждали. А в период войны в моем взводе были награждены: командир первого орудия, командир отделения тяги, а остальные все были награждены медалью «За оборону Ленинграда». А больше, за какие-то персональные заслуги – нет.

С какими чувствами Вы ехали на фронт?

Воевать насколько сможешь, насколько сумеешь.

Как влияли на настроение людей в батарее победы и поражения? 43 год на Волховском фронте не больно удачный был.

Да, неудачный. Народ, видите, разный. Полк был сформирован из уроженцев Ивановской области, но в процессе боев он пополнялся различными людьми. У меня во взводе были грузин, еврей, цыган, татарин, украинцев побольше было, остальные русские. Но никакой разницы между ними, естественно, не было, все равны. Ни о каких конфликтах на национальной почве не может быть и речи.

Когда стали освобождать западные районы, то в соседних батареях были солдаты, у которых семьи под оккупацией. Тогда было принято по радио объявлять: солдат такой-то ищет своих родственников, живущих там-то и там-то, просит отозваться. Однажды я получаю письмо довольно интересное: «Синеглазому». Никаких... глазовых больше в полку не было – принесли мне [смеется. – А. Б.]. Пишет одна грузинка из Средней Азии, что она такая-то, слышала по радио номер вашей полевой почты, вы разыскиваете, я хотела бы дружить с синеглазым. Я, конечно, не стал писать, отдал солдатам. Что получилось у них, не знаю. Однажды мы писали, когда тоже стояли в обороне. Редко это было, кинокартину смотрели в шепито, тогда такие были залы. Не помню сейчас, то ли «Небесный тихоход», то ли еще что-то, в общем, там играли Жаров и Целиковская. Приходит парторг: «Давай напишем письмо Целиковской». «Давай напишем» [смеется. – А. Б.]. Он написал, мы оба с ним подписались, что вот мы такие-сякие, гвардейцы, громим врага, посмотрели картину, очень воодушевлены, и в дальнейшем будем беспощадно уничтожать фашистов. Ответила не она, а Жаров: Людмила сейчас находится в командировке, Вам пишет Жаров.

А госпиталь есть госпиталь, лечение я закончил в Свердловске. В ленинградском госпитале я был неходячий. Лежал на боку сколько-то, не вставал. Перед тем как немножко оклемался, стал до туалета на костылях ходить, тогда перевели в Свердловск. Ранена в основном правый бок, нога, 5 главных осколков. Местность в Выборге каменистая – были каменистые осколки по телу. Гипс накладывали, его снял уже в Свердловске. Там без гипса месяца два был, лежал в здании, в котором еще после этого был в Свердловске. Там размещалась какая-то часть штаба Уральского округа. С товарищем шли, я говорю: «Ты меня сфотографируй. Здание я хорошо вижу, я в нем в госпитале лежал». Он только нацелился фотографировать, ему раз, закрывают [объектив – А. Б.]. Из здания выходит подполковник: «Кто такие? Пошли». Доказали, кто мы такие.

Свердловск мне еще запомнился тем, что когда в майские дни 61 года Пауэрс сбили, я видел разрыв одной ракеты. А второй-то я не видел. Я в партшколе учился, утром пришел, а там каких только разговоров не существовало. Потом Хрущев обнародовал, что такое событие было.

Какие чувства Вы испытывали в боевой обстановке – страх, возбуждение?

Как сказать? Вот страх. Под Добрым мы с командиром соседнего взвода периодически дежурили в блиндажах вместе с пехотой, наблюдательный пункт там был. Туда идешь, тудысюды, что, будет обстрел, не будет. Обратно идешь – вроде пронесло. Там же я попал в неприятную историю. В пехотном блиндаже через амбразуру мне захотелось посмотреть передний край немцев в стереотрубу. Амбразура была малюсенькая, мало увидишь. Я вышел, рядом смотрю, пень стоит. Думаю, дайка в этот пень я стереотрубу ввинчу. Ввинтил, стал наблюдать, в-ж-жик! Снайпер. Все, больше не показывался.

На своих позициях страха не испытывали?

Как не испытывал? Мы стреляем, по нам стреляют, 150 снарядов по нашим позициям выпустили. Выстрел, слышно свистит, снаряд летит – съеживаешься, уж невольно съеживаешься. Когда нас не обстреливали, то ощущение нормальное. В итоге более 600 дней и ночей провел с орудиями в боевых порядках, зимой, летом, осенью, весной.

Какая минута или день на войне для Вас были самыми трудными или опасными?

Кто его знает? Это трудно, это не трудно. Как его выделишь?

Что Вас больше всего поразило на войне?

Спаянность солдат, офицеров. Там сразу видно, кто какой есть. Если есть какие-то трудности, все участвуют в их преодолении, никто не отлынивает.

Вы участвовали в чистке орудий после стрельб вместе с солдатами?

Нет, за этим следили командиры орудий. Этим занимались снарядные, зарядные и наводчики тоже, подносчики участвовали. Такое орудие прочистить – надо физическую силу. Трудно было при строительстве блиндажей – надо было порядком земли перелопатить, оградить орудия, на блиндажи накат. Лес шел на три наката обычно.

Как можете определить Ваше отношение к врагу?

Враг есть враг. Через нас практически не проходили пленные, но один раз привели ко мне немца при наступлении. То ли он обязан был там находиться и вести стрельбу, то ли он решил остаться и сдаться в плен. Он был лет под 40–45, мы по-немецки не ахти как, он единственно твердит: «Arbeit, arbeit». Вид его показался нам неприятным, отправили в штаб полка. А уж куда там его дальше?

Кто из противников Вам был более неприятен – немцы или финны?

Немцы, наверное, больше, а финны... Когда мы Выборг взяли, дошли до Сайменского[?] канала, дальше наша армия не пошла, остановилась. Финны с передовой кричали: «Рус, не стреляй! Наши в Москву полетели!» Я видел самолет, летевший с финской стороны и финские истребители, которые его сопровождали. При перелете линии фронта их наши истребители встречали. Видимо, делегация летела договариваться о перемирии.

Что Вы думаете о наших солдатах, попавших в плен?

В тот период отношение было такое, это сейчас мы оцениваем более здраво. Тогда сдался в плен – предал, а в какой обстановке, это сложно было определить. Большинство попадали независимо от их желания, состояния. Окружили, обезоружили – куда деваться? Некоторые еще питали какую-то надежду, что они могут потом вернуться в армию.

К власовцам у Вас какое отношение?

Непосредственно к Власову как можно относиться? Оказался трусом, в конечном итоге предателем. Какой он может быть патриот, он просто испугался. Остальные власовцы из числа пленных. Кто-то надеялся, что он сумеет через армию вернуться, а которые искренне желали поражения России, таких, я считаю, там немного было. У нас их не было. Отношение тогда было единственное – сдался в плен – враг.

Что может сказать об отношениях с местным населением?

Редко ведь мы с населением встречались, мы в лесах да болотах. Где-то по пути они попадались, а что сказать. Наше население, советское. В Ленинградском драмтеатре когда были как сказать? Восторженно-жалостливое, что ли? Такое они пережили в блокаду Ленинграда, там остались. После Новгорода продвигались к Оредежи, километров 30 не было целых деревень и гражданского населения, мне запомнилось. И в одной деревне попались местные жители. Тетка одна выходит, паренек. Впечатление такое, что он только вышел из леса, был там вместе с партизанами. Конечно, смотрела на нас восторженно, что мы их освободили. Сказала: «Ой,

какой молоденький лейтенантик»! Остальные-то солдаты были пожилые. А больше с мирным населением не приходилось общаться; огневые позиции рядом с деревнями не разместишь.

Чем для Вас были пушки?

Бережное отношение.

Как можете описать отношение к Вам артиллеристов других калибров и пехоты?

Мы с другими системами практически не контактировали. А пехотинцы? Каждый на своем посту, артиллерия в том числе. Когда стояли под Карбуселью, солдаты общались между собой, ко мне однажды привели однофамильца, тоже из Кировской области. Они привели, потому что знали, у меня отец был на фронте. Да, однофамилец, из Советского района. Близкого родства не обнаружилось.

Какие времена года для Вас были тяжелее?

Наверное осень – сыро, слякоть. Для передвижения, оборудования, устройства огневых позиций сложнее. Физически посложнее.

Как в полку относились к женщинам?

В середине 43 года около 30 женщин поступили в полк на должности телеграфистов. К нам в батарею одна девушка телефонистом, в соседней батарее две девушки, в штабе дивизиона одна, в 9-й батарее тоже. Относились солдаты внимательно, для них вроде как дочь, потому что они старше были. Никто не обижал, никаких поползновений не обнаруживал. Девушка, которая у нас была. Командир батареи есть командир, он был парень взрослый, приличный. У них, вроде, взаимное доверие обнаружилось. Я уже в госпитале был, мне сообщили, что она уехала в декрет.

За что Вы в той войне воевали?

За страну. У нас не было, что за Россию. Но лозунг тогда был среди солдат: «За Родину, за Сталина». Это не пустой звук, под Сталиным имелось в виду не столько его личность, а руководитель государства, правительства, высшая власть, которая организует борьбу.

Ваше отношение к Советской власти за время пребывания на фронте никак не изменилось?

Нет. То, что вернулись, трудности большие были, но все понимали, чем они вызваны: война, разруха, большие издержки. Дружно жили.

Как у вас в дивизионе относились к политработникам?

Нормально. Замполит с батареи ушел, остался вроде неосвобожденный, старшина. В члены партии я вступил в августе 43, кандидатом в апреле 43 – укороченный срок, никто меня силком не толкал. Просто было – коммунисты, комсомольцы впереди.

Почему мы победили в той войне?

Слитность народа, налаженное руководство страной в лице Государственного Комитета Оборона, ЦК партии и Совнаркома. Дрязг не было, они, конечно, жестко пресекались, но их не было.

Мучили Вас после войны фронтовые воспоминания, сны?

Сказать, что мучили, не мучили. Так, вспоминаешь – вспоминается.

Спустя 60 лет как можете определить отношение к той войне?

Справедливая война. Трудно представить себе, что бы случилось, если бы фашизм победил. Другого выбора не было. Народ всякий и сейчас есть: стремятся как-то охаять, где-то подковырнуть – я считаю, это непорядочно.

Расшифровка записи: Александр Бровцин

Подготовка к публикации: Александр Бровцин

Березовский Ефим Матвеевич

Я родился в 1913 году в Одесской области, село Соврань. Я из очень бедной семьи: мать умерла, когда мне было 5 лет, а отец стал инвалидом, – у него было что-то с позвоночником. Я ни одного дня в школу не ходил, а с 9 лет начал работать. А потом было такое тяжелое положение, что мы еще с одним парнем пустились беспризорничать и доехали до Донбасса, до города Константиновка. Там нас устроили на завод, и с 12 лет я работал уже на заводе: это был Константиновский бутылочный завод. Там меня начали обучать грамоте по программе «Ликбез». А потом таким подросткам как я запретили работать на заводе, – там ведь температура 70 градусов! Потом я окончил фабрично-заводское училище (ФЗУ), и до армии работал на заводе шлифовщиком. Оттуда я ушел в армию, и с 1935 по 1937 годы служил в 80-м артиллерийском полку в Донбассе. Это была престижная дивизия, – Пролетарская Донбасса. Я окончил полковую школу и имел звание младший командир, по-нынешнему – старший сержант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.